

С позиции Вэй Яня он не мог видеть выражение лица Чэнь Цзыму, но через соприкосновение их тел он чувствовал беспокойство партнера, что было для Чэнь Цзыму довольно необычно.

— Ты хочешь рассказать? — наконец спросил он.

Чэнь Цзыму крепче обнял его за талию, и, наконец, словно приняв решение, серьезно сказал:

— Если ты хочешь знать, я честно расскажу тебе.

— Цзыму, при наших нынешних отношениях говорить, что я не хочу знать правду, — это обман.

— Вэй Янь перевел его перед собой, успокаивающе похлопал по тыльной стороне руки. — Но я могу подождать, пока ты почувствуешь, что уже можешь спокойно рассказать о своем статусе, и тогда я выслушаю тебя.

Чэнь Цзыму долго молчал, наконец, хрипло произнес:

— Спасибо.

— За что благодарить? — Вэй Янь нежно погладил его по голове. — Не думай об этом. Если у того, кто выше, есть какие-то указания, просто выполняй их. Если тебе понадобится моя помощь, скажи. С моей личной точки зрения, я больше надеюсь, что ты будешь счастлив, не испытывая слишком много давления, это самое важное.

— Угу. — Чэнь Цзыму кивнул и прижался к Вэй Яню.

На самом деле, это не было капризом Чэнь Цзыму, что он не хотел рассказывать Вэй Яню о своем происхождении. Просто многие вещи он не мог объяснить, включая цель своего приезда сюда.

До сих пор он не получал никаких конкретных указаний от Син Чэньму и не знал истинной причины, по которой тот послал его в армию. Как он мог объяснить это Вэй Яню?

Сказать, что нынешний император не доверяет их семье Вэй, боится, что их заслуги затмят его? Или что император, опасаясь, что Вэй Янь вступит в сговор с повстанцами, специально послал его следить?

Даже если бы это было правдой, он ни за что не сказал бы это Вэй Яню напрямую.

И его статус — Князь Юнъань, который в глазах людей был лишь пустым титулом.

Вэй Янь не мог понять, почему два принца Цанчуаня ради борьбы за власть развязали войну, приведшую к гибели множества людей и страданиям народа.

Но в Жаньине разве они делали что-то другое? Только они намеренно подстрекали, а они ставили приманку, ожидая, пока рыба клюнет.

Погоня за властью в императорской семье, или, точнее, стремление императорской семьи сохранить эту власть, неизбежно требовала запачкать руки кровью.

С ранних лет он понимал правила выживания во дворце: либо ты сам отрубаешь свои руки и покорно позволяешь другим играть с тобой, либо становишься более жестоким и безжалостным, чем другие, поднимаясь по их телам на желаемую позицию.

Поэтому за все эти годы он никогда не сожалел о своих решениях. Но с тех пор как он пришел

в этот военный лагерь и увидел Вэй Яня, столь преданного стране и народу, он все же чувствовал некоторое смущение.

Каждый раз, глядя на Вэй Яня, он желал, чтобы он действительно был Чэнь Цзыму, рожденным в купеческой семье, а не Син Чэньсю, о котором ходили тысячи легенд, но который мог лишь тайно планировать в глубине княжеской резиденции.

— Почему ты все еще хмуришься? — увидев, что Чэнь Цзыму долго молчит, Вэй Янь с беспокойством спросил.

Чэнь Цзыму покачал головой, выйдя из своих размышлений:

— Думаю, А-Янь так мне доверяет, даже не сомневаясь в моем статусе. А если бы я действительно пришел, чтобы навредить тебе, что бы ты сделал?

— Нет такого предположения. — Вэй Янь рассмеялся. — Если бы ты действительно пришел, чтобы навредить мне, ты бы не был тем, кто ты есть сейчас, и я бы не доверял тебе так.

Помолчав, он, видя, что его любимый уже снова начинает засыпать, вдруг вспомнил о чем-то и, немного колеблясь, сказал:

— Цзыму, я задам тебе еще один вопрос. Если ты не хочешь отвечать, ничего страшного.

— Эта твоя привычка спать... действительно нет способа вылечить?

Чэнь Цзыму долго не отвечал, так долго, что Вэй Янь даже начал думать, что он уже уснул, но через некоторое время услышал тихий голос:

— Когда придет время, само пройдет.

Вэй Янь не стал углубляться в причины, а искренне произнес:

— Это замечательно.

Тем временем, пока эти двое открыли свои сердца друг другу и заснули в объятиях, у Люй Ишуя атмосфера была напряженной.

Вернемся примерно на полчаса назад.

— Ишуй, ты почему встал? — Ли Ту, вернувшись с кухни, увидел Люй Ишуя, сидящего за столом с опущенной головой, погруженного в размышления. Он поспешно подошел, с беспокойством сказав:

— Тебе плохо? Я сейчас позову врача.

Но он даже не успел сделать шаг, как его рукав был схвачен сидящим мужчиной:

— Врач только что ушел, со мной все в порядке. Я просто хотел узнать о своем состоянии.

— Тогда, может, поедим? — Ли Ту поставил коробку с едой на стол, видя серьезное выражение лица Люй Ишуя, он инстинктивно не хотел слышать, что тот скажет дальше.

Люй Ишуй покачал головой и продолжил:

— Врач сказал, что яд в моем организме почти выведен, осталось только дожидаться заживления внешних ран. Мне больше не нужно постоянное наблюдение. А-Ту, возвращайся в свою палатку.

— Но, А-Янь все еще у меня. — Ли Ту с трудом выдавил улыбку, объясняя:

— Он и господин Чэнь, кажется, поссорились из-за чего-то.

— А-Ту, наш генерал никогда не был неразумным человеком. Если ты решишь вернуться, он точно не займет твою палатку. Более того, если это поможет А-Яню и господину Чэню разрешить их конфликт, разве это не хорошо?

Люй Ишуй был полон решимости прогнать его. Ли Ту, не зная, что сказать, в отчаянии опустился на колени, избегая его раненого плеча, обнял его:

— Ишуй, не прогоняй меня, я... я люблю тебя.

За те несколько дней, что он размышлял о своих чувствах к Люй Ишую, Ли Ту тысячу раз представлял, как отреагирует тот на его признание.

Радость, волнение, недоверие — только не так, как сейчас.

Люй Ишуй лишь на мгновение замер, а затем оттолкнул его, спокойно спросив:

— А-Янь что-то тебе сказал?

— Да, А-Янь рассказал мне о твоих чувствах, но я...

— Ли Ту. — Люй Ишуй перебил его, называя его полным именем, чего не делал уже много лет. — Я спас тебя не для того, чтобы шантажировать тебя ответными чувствами. Или, точнее, даже если бы это был не ты, а А-Янь или любой другой генерал, я бы поступил так же. Поэтому тебе не нужно чувствовать себя виноватым и не нужно отвечать мне таким образом.

— Нет, нет, Ишуй, ты неправильно понял. Я говорю это не из-за того, что ты спас меня. — Ли Ту заволновался, но чем больше он волновался, тем труднее ему было объяснить.

— Это А-Янь сказал тебе, что я люблю тебя, поэтому ты решил, что должен ответить мне, верно? — Люй Ишуй был гораздо спокойнее Ли Ту, даже не забыл помочь ему подняться, продолжая анализировать. — Первая реакция человека чаще всего ближе всего к его истинным чувствам. В тот день перед главной палаткой ты сказал мне, что не можешь принять, что А-Янь любит мужчину. Если это так, как ты можешь действительно испытывать ко мне такие чувства? В глубине души ты просто не принимаешь такие отношения.

— А-Ту, все эти дни я наблюдал за твоими колебаниями. Если бы ты действительно любил меня, разве ты бы понял это только тогда, когда я попросил тебя уйти?

— Нет, это не так, Ишуй, поверь мне, я медлителен, я глуп, я туп, но ты не можешь отрицать мои чувства.

Ли Ту, входя в эту палатку, еще не был уверен в своих чувствах к Люй Ишую, но, услышав его слова, он был уверен, что все его сердце, каждая капля крови в его теле кричала в опровержение.

Он не был таким, как говорил Люй Ишуй, он не сказал о своих чувствах только потому, что узнал о чувствах другого или потому что его спасли. Каждое его слово, каждый слог были результатом глубоких размышлений и были искренними.

— Я понимаю, что, возможно, ты не хочешь потерять меня как друга, но это действительно не нужно. Как я уже сказал, кого я люблю — это мое дело, я не перестану быть твоим другом из-за этого. Когда я выздоровею, все будет как раньше, ничего не изменится.

Ли Ту начинает путь к завоеванию сердца. Сам себе навредил — теперь придётся отвечать.

<http://bllate.org/book/17724/1656792>